

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-218-234>

<https://elibrary.ru/HQPVTX>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2023 г. Г.Н. Боева

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛЕМИКИ В ПРЕССЕ ПО ПОВОДУ «БЕЗДНЫ» ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Аннотация: На материале критических статей и полемических откликов на рассказ «Бездна» Леонида Андреева («писем героев») исследуется гендерная оптика восприятия современниками сюжета и изображенной ситуации. Доказывается, что в рецепции рассказа проявились два основных вектора: один связан с пониманием биологической природы мужчины как отличной от женской, а другой — с социальными ролями мужчины и женщины, неравноправными и тоже весьма отличными друг от друга. «Бездна» транслировала представления о гендерном неравенстве, которые большинством критиков и читателей начала XX в. воспринимались как естественные. Единичная попытка встать на женскую позицию была продемонстрирована критиком В.Е. Жаботинским, опубликовавшим «письмо» от имени героини, впрочем, тоже не подвергающее сомнению существующую патриархатную гендерную норму, в том числе бессубъектность женщины. «Женский взгляд» на «Бездну» ошутим лишь в позиции графини С.А. Толстой, и он понятен в контексте ее семейных взаимоотношений и творчества ее мужа.

Ключевые слова: Л.Н. Андреев, «Бездна», Л.Н. Толстой, критика, рецепция, «мужское», «женское», гендер, пол, дискурс.

Информация об авторе: Галина Николаевна Боева — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный универ-

ситет промышленных технологий и дизайна, ул. Б. Морская, д. 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6021-3687>

E-mail: g_boeva@rambler.ru

Для цитирования: Боева Г.Н. Гендерный аспект полемики в прессе по поводу «Бездны» Леонида Андреева // *Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье* / отв. ред. В.Б. Зусева-Озкан. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 218–234.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-218-234>

© 2023. Galina N. Boeva

GENDER ASPECT OF THE PRESS CONTROVERSY OVER LEONID ANDREEV'S *THE ABYSS*

Abstract: On the material of critical articles and polemical responses (“letters of the characters”) to Leonid Andreev’s *The Abyss* the gender optics of the contemporaries’ perception of this short story is investigated. It is proved that in the reception of the plot and the depicted situation, two main vectors manifested themselves: one is associated with the understanding of the biological nature of men as different from that of women, and the other — with the social roles of men and women, unequal and also very different from each other. *The Abyss* broadcasted notions of gender inequality, but for most critics and readers of the early 20th century it was perceived as natural. A single attempt to take a female position was demonstrated by critic V. Zhabotinsky, who published a “letter” on behalf of the heroine, which, however, also does not question the patriarchal gender norm, including female lack of agency. The “female look” at the *The Abyss* is tangible only in the position of Countess Tolstoy, understandable in the context of her family relationships and the works of her husband.

Keywords: Leonid Andreev, *The Abyss*, Leo Tolstoy, criticism, reception, “masculine”, “feminine”, sex and gender, discourse.

Information about the author: Galina N. Boeva, DSc in Philology, professor, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, B. Morskaya, 18, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6021-3687>

E-mail: g_boeva@rambler.ru.

For citation: Boeva, G.N. "Gender Aspect of the Press Controversy over Leonid Andreev's *The Abyss*." *Femininity and Masculinity in the Modernist Culture: Russia and Abroad*. Ex. ed. Veronika B. Zuseva-Özkan. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 218–234. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-218-234>

Рассказ «Бездна» (1902) Леонида Андреева произвел ошеломляющее впечатление на читателей и критиков — в духе долгоиграющего литературно-общественного скандала. Шумиха в прессе вокруг него продолжалась в течение 1902, 1903 и 1904 гг., а затем наблюдались рецидивы интереса к рассказу вплоть до 1910 г. В полемике по его поводу проявилась весьма характерная для начала века гендерная оптика, которая и станет объектом нашего исследования.

Андреев принадлежал к числу писателей, озабоченных своей репутацией и охотно шедших на диалог с читателем, а потому был склонен вступать в объяснения с публикой и критикой. В связи с резонансом «Бездны» он выступил в печати с объяснением своих намерений и идейного замысла. Прямо заклеив «современное двухное существо без перьев, которое овладело только внешними формами культуры, а по существу в значительной доле своих инстинктов и побуждений осталось животным», он обратился к читателям с призывом: «Перестаньте травить человека и немилосердно травите зверя» [James Lynch].

Затем автор опубликовал «письмо», написанное от лица героя рассказа Немовецкого, где он и объясняет свой поступок, и оправдывается, и, что важно в контексте нашей темы, проблематизирует отношение к женщине, потерявшей телесную чистоту. Приведем этот текст в сокращении:

<...> все, что написал про меня Леонид Андреев, действительно было, хотя и не так, как он это написал.

<...> объявляю во всеуслышание, что никогда не был повинен в том, в чем меня обвиняет Л. Андреев. Никогда... Я повинен кое в чем, может быть, гораздо худшем, гораздо более гнусном, но не в том.

Теперь расскажу, как все было, расскажу все без утайки.

Сначала, действительно, все было, как описывает Леонид Андреев. Если же и было не совсем так, то у Леонида Андреева оно описано с такой яркостью и силой, что я и сам теперь уже не могу себе предста-

вить, чтобы это было как-нибудь иначе. Да, все это так и было. Зиночка бросилась бежать. Вслед за ней кинулись эти проклятые бродяги, а на меня набросился один из них, и через несколько мгновений я, избитый, полетел в овраг. В безумном страхе я искал ее и, неожиданно, наткнулся на ее тело. Я упал подле нее на колени и целовал ей руки, дул ей в лицо, тормошил ее и всячески старался привести в сознание. Я понимал, какому ужасному поруганию подвергли ее, и это сознание как будто рождало боль в моей душе. Но все это тонуло в каком-то отчаянии и страхе, что она не проснется, что она умирает. Сердце мое билось, и в мучительной тревоге мысли мои путались в какой-то пестрый хаос. Наконец она глубоко вздохнула и открыла глаза. О счастье, о радость! Она жива и будет жить. И, забыв все на свете, я целовал ее руки и чувствовал, как на них из моих глаз скатывались слеза за слезой. И я поднял ее и помог ей встать. Разорванное платье обнажало ее плечи и грудь, и я старался прикрыть их, насколько возможно. Она, очевидно, еще не вполне пришла в себя и как-то странно озиралась, даже не замечая своего разорванного платья и наготы своих плеч. И вдруг она все вспомнила и поняла... Глаза ее широко раскрылись, из груди ее вырвался стон и, закрывая свою обнаженную грудь трясущимися руками, она с глухим рыданием прильнула ко мне и, точно ища защиты, спрятала свое лицо на моей груди. И вдруг я тоже все понял, понял уже не только умом, не только сознанием, но и всем сердцем, всем своим существом...

И тут-то свершился ужас, который гораздо страшнее всего, описанного Леонидом Андреевым. Я знал головой, что она, Зина, которую я любил, как мне казалось, больше жизни, — я знал, что она страдает и ждет от меня опоры, защиты и утешения. Я знал, что в этот момент я нужен ей, как никогда, и я хотел приласкать ее, пригреть, успокоить и ободрить, и вместо всего этого я чувствовал, как холод какого-то омерзения широкой волной накатывается на меня и леденит мое сердце. Она сделалась мне физически противной, отвратительной и совершенно чужой. Невольно я сделал движение, чтобы оттолкнуть ее, и, когда при этом рука моя коснулась ее обнаженного плеча, я почувствовал холод ее озябшего тела, и мне вдруг показалось, что это тело не просто холодно, а покрыто какой-то омерзительной холодной слизью. И я оттолкнул ее.

С тех пор мы больше не виделись. Я слышал, что она была долго и тяжело больна, но к ней я не пошел.

Я знаю, что тогда заговорил во мне не человек, а зверь. От этого сознания в душе моей живет ненависть к самому себе. И все-таки она, Зина, которую я так любил даже за полчаса до всего, что совер-

шилось, стала для меня чужой, жалкой, ненужной и даже физически противной...

Я вовсе не хочу оправдываться. Я думаю, что все, содеянное мной, много даже хуже того, что мне приписал г. Леонид Андреев. Если бы я совершил гнусность, которую он мне приписал, это был бы редкий и даже исключительный случай. Это было бы какое-то минутное затмение рассудка животной страстью, и только. То же, что совершилось со мной, именно потому и страшно, что оно не чуждо никому. С большей половиной человеческого рода произошло бы, наверное, то же. Разве не ревнуем мы наших жен ко всем их прежним увлечениям, и разве примиритесь вы хоть когда-нибудь с фактом, если узнаете, что ваша сияющая невинной чистотой невеста когда-то любила и принадлежала другому? Разве это воспоминание не будет отравлять вам каждой минуты восторга, который вы будете переживать вновь с ней? И, любя ее, разве не будете вы ее в то же самое время презирать и ненавидеть?..

А если ваша невеста подвергнется тому же, чему подверглась Зина, разве вы так, без колебаний, женитесь на ней?..

Все мы — звери и даже хуже, чем звери, потому что те, по крайней мере, искренни и просты, а мы вечно хотим и себя и еще кого-то обмануть, что все звериное нам чуждо. Мы хуже, чем звери... мы подлые звери...

Вот все, что я хотел сказать в свое оправдание, а, может быть, и обвинение... [Немовецкий].

Письмо-мистификация породило волну подражаний. Три босяка-насилника, Рыжий, Высокий и Бритый, «выступили» в житомирской газете «Волынь» с письмом, в котором тоже поддерживается тема зверя, однако насилие над девушкой получает несколько иное обоснование и мотивируется, скорее, завистью и желанием социального реванша. Называя себя «истинными героями “Бездны”», они представляют свою версию произошедшего:

Дело, видите ли, было так.

Мы сидели в лесу на поляне и любовались солнцем, которое, по выражению Андреева, «зажигало воздух». Любоваться солнцем особенно любил Бритый, бывший актер и большой в душе поэт, хотя и босяк.

Когда солнце зажигает воздух, мы чувствуем себя прескверно. Нам кажется тогда, что и лохмотья наши грязнее стали, и носы сильнее побагровели, а наши лица до того сделались противными, что

так, кажется, и стукнулся бы лбом о дерево... И вот мы сидели на поляне и думали, за что бы нам поссориться, чтоб подражаться друг с другом и поразвлечься. Но ссориться положительно нам было не из-за чего. Костюмы на нас всех были одинаковые. Денег у нас также у всех одинаково не было. Постель у каждого из нас была широкая мать-земля сырая. Птички одинаково нам чирикали свои песни, холодны мы также были одинаково. Вдруг мы заметили, что к нам подходят «двое, которые шли, все шли и не замечали ни времени, ни дороги». Он, студент, жал ее руку и ловил взгляд ее чудных очей. Она, гимназистка, прижималась к нему всем своим молодым упругим телом... Мы даже плюнули от зависти.

<...> А «они шли, все шли», и видно было по их лицу, что они боются нас, точно мы звери, и презирают нас, потому что боятся... <...>

И тут мы стали философствовать...

Отчего, думали мы, — «эти» так свежи, красивы, так хорошо одеты, а мы — даже смотреть противно на нас.

И чем больше мы философствовали, тем больше мы распялились гневом, тем больше в нас зрела одна мысль.

И эта мысль была ужасна.

Мы решили взять силою то, что волею никогда не пришло бы к нам... И когда мы это решили мысленно, то из уст Бритого вырвался тот крик, который услышал Леонид Андреев:

А-а-а!

А этот крик был так дик и страшен, что мы вздрогнули. Мы поняли, что должно совершиться то, что впоследствии и совершилось... «Бездна» увлекла нас, и мы не думали сопротивляться ей.

Гимназистка убежала от нас, на лице этой хорошенькой девушки были написаны ужас и отвращение, отвращение, отвращение...

Это отвращение бесило нас, и мы дичали.

Если б хоть одно человеческое слово сказали бы нам студент и девушка.

Впрочем, вы ведь не верите нам...

Что случилось на поляне в лесу, конечно, вам известно по рассказу Андреева [Омега].

Как было доказано Л.Ф. Кацисом, за подписью «Омега» скрывался В.Е. Жаботинский [Кацис, с. 172–174]: «босьяки» упоминают о письме «барышни», опубликованном этим критиком в «Одесских новостях» только неделю спустя.

В своем письме «Зиночка» предлагает «женский взгляд» на проблему, возражая Немовецкому-Андрееву и подробно воссоздавая переживания после случившегося:

В «Курьере» появилось недавно письмо за подписью «студента-техника Немовецкого», героя рассказа «Бездна». Чрезвычайно удивленная и озадаченная этим странным письмом, я, жена Немовецкого (ныне уже инженера), та самая, с которой случилось рассказанное в андреевской «Бездне», берусь за перо, чтобы объявить обществу, что напечатанное в «Курьере» письмо написано не моим мужем, который написать его не мог. Я считаю себя обязанной реабилитировать в глазах читающей публики имя любимого мною человека, а кстати — и это, быть может, главное — исправить ошибку сделанного г. Андреевым вывода о «черной бездне». <...>

Я вполне согласна с автором подложного письма, что настоящий ужас, описанный у него, — куда страшнее того, который навело на меня правдиво и точно описанное г. Андреевым ночное нападение на меня в лесу трех пьяных негодяев. Быть отвергнутой тем, кого любишь; чувствовать, что он питает к тебе омерзение, что ты ему противна, — что может быть ужаснее этого?.. К счастью (к счастью, — говорю я), все это было не так, а так именно, как рассказал об этом Андреев. Мне тяжело рассказывать о том, что я пережила, обнажать свою душу, — но хочется, нужно сказать правду, объяснить все, и приходится это делать, скрепя сердце. Ведь многим мои слова покажутся излишне откровенными, зато в них — правда души.

Я очнулась в лесу, разбитая, измученная, еще под гнетущим впечатлением пережитого мною ужаса, будучи не в силах даже пошевелиться — и первое, что я увидела, это — фигуру Немовецкого, стоявшего передо мною на коленях. Он тормошил меня, ласкал, умолял прийти в себя, и губы его шептали: «Я женюсь, женюсь на тебе, Зиночка!» И я, несчастная и униженная, в те страшные несколько часов постаревшая на много лет, поняла всем сердцем женщины, что я ему не чужда, что я ему не противна, что этот роковой случай не отнял его у меня... И в этот момент он, шепчущий мне слова любви, целующий мои руки, избитый и взволнованный, — был мне еще дороже, еще милее, чем тогда, когда, веселый и гордый, шел рядом со мною по лесу и декламировал стихи о той, которой «отдал, не сказав ни слова, всю тоску, всю нежность, всю любовь свою...» И видеть его, почти плачущего, такого слабого и бессильного, склонившегося над жалким, поруганным воплощением своих юношеских грез, надо мною, — было для меня истинным счастьем. Я понимала, как горько, как тяжело было ему мое горе; я знала, я читала в его глазах, что ему надо было преодолеть *отвращение мужчины* к жертве пьяных, озверелых людей, и я видела, как боролось в нем с этим физическим отвращением высокое чувство души. <...> Да, мои губы приняли его поцелуй, и это

был поцелуй, которого я никогда не забуду, поцелуй мужа и друга, дар любви и утешения. Роковой вечер сблизил нас общим горем и бросил нас в объятия друг друга, а не в бездну. Женским чутьем я поняла, как страшна была в его душе борьба, и оценила, как трудно досталась ему победа, которую он одержал над собою.

Знаю, мне возразят: «А разве не мог он обойтись без *такого* решения и потом все-таки жениться на вас?» А я скажу, что *тогда* именно, в тот ужасный вечер, когда мне казалось, что передо мною навеки закрываются двери семейного счастья, что мое несчастье сделает меня отчужденной от всех <...> я *должна была* знать, что у меня есть муж, опора и утешитель, и что этот *муж* — самый дорогой мне человек. В те именно ужасные минуты мои руки искали его объятий, мои губы — его губ, искали так, как не искали ни раньше, ни позже, — и он стал моим мужем. Где же тут «бездна», неужели прав Леонид Андреев? Всякая женщина поймет, что нет. <...>

Снова повторяю: где же «бездна»? [Немовецкая].

Как видим, Жаботинский попытался в письме «Зиночки» предложить, в противовес «мужскому взгляду» Немовецкого, «женский взгляд», который, однако, нисколько не противоречит патриархатному представлению о женском предназначении и женской чистоте. Согласно этому представлению, мужчина должен *простить* женщине то, что она стала жертвой насилия и перешагнуть через свое отвращение к ее «оскверненному» телу. В противном случае перед нею «навечно закроются двери семейного счастья» — единственного счастья, возможного для нее. Вышедшая замуж Зиночка пытается забыть о травме и не проблематизирует свое положение жертвы и отношение окружающих к произошедшему, тем самым идеально транслируя стереотипные мужские представления о женщине.

Вскоре все «письма» героев были опубликованы как дополнение к републикации рассказа в книге, изданной в 1903 г. в Берлине Иоганном Рэде, там же была помещена статья Л.Н. Толстого о Ги де Мопассане, привлекая внимание общественности в контексте дискуссии о «pornoграфической литературе». Там же содержалось новое «босаяцкое письмо», которое имеет ряд расхождений с прежним: оно подписано именем «Федор» и выдержано в сказовом ключе «под Горького» — и с отсылкой к нему. Называя себя «бывшим человеком», Федор возражает против «поклепа», который возвел на него Леонид Андреев, и в сказовой манере повествует о происшествии так:

Так вот, верьте, госп-н редактор, али не верьте, а говорю вам, как на духу — я этой барышни не тронул и других не пустил <...> Я пьяница, вор и прощелыга, — и то удержался, вспомнил Христа и Господа Бога, а он... дворянчик, образованный! Если бы он мне тогда попался, не уйти ему из моих рук живым, хоть бы и взял я на свою душу смертный грех [Леонид Андреев. Бездна..., с. 52].

Из этого дополненного «письма» следует, что осквернил барышню «дворянчик», забывший Бога, т. е. акцентируется этико-социальная и религиозная сторона насилия, на которое оказывается органически неспособен не испорченный цивилизацией простолюдин. Отчасти пользуясь нарративными возможностями, которые дает фигура умолчания в финале рассказа, автор этого «письма» рассматривает не только мотивацию надругательства, но и отрицает очевидное. Таким образом, здесь акцентируется и проблематизируется не биологическое начало, приведшее к насилию над женщиной, а начало социальное, связанное с деструктивным влиянием цивилизации. Субъектность женщины вообще не интересует этого пародийного героя и его автора, в котором уже помянутый Л.Ф. Кацис также видит Жаботинского [Кацис, с. 176–179].

Итак, в «письмах» вокруг «Бездны» четко проявились два взгляда на произошедшее: «мужской» и «женский», и оба они, хотя и по-разному интерпретируют события, довольно сходны между собой в главном. Это глубоко патриархальное представление о женщине как о существе страдательном, преимущественно телесном и всецело предназначенном мужчине и ему принадлежащем. В то же время в каждом мужчине обнаруживается затаившийся «зверь», который может в экстремальной ситуации выйти из-под контроля. Однако волевым усилием мужчина способен подавить в себе звериные черты и физиологические реакции и через прощение принять «оскверненную» женщину. Впрочем, животное начало в мужчине всеми авторами «писем» принимается как естественная данность, а кроме того, для всех них характерна неспособность увидеть в женщине субъекта.

Вернемся к «письму» босяков, напечатанному вместе с отзывом Толстого о Мопассане, которого он осуждает за недостаток нравственного чувства в изображении отношений мужчины и женщины и с которым таким образом контекстуально сближается автор «Бездны». Как известно, Толстой назвал рассказ Андреева «ужасом» и «грязью», невозможными в жизни [Musca], а огорченный этим отзывом Андреев, тем не менее, считал свой рассказ «родной дочерью»

«Крейцеровой сонаты», хотя и «побочной» [Письма Л.Н. Андреева, с. 198].

В 1903 г. появляется еще одно письмо — на этот раз не «игровое», а публичное и к тому же обличительное, и автор его — жена Толстого, графиня Софья Андреевна. Поддерживая критику в адрес Андреева его постоянного гонителя В.П. Буренина, Толстая клеймит андреевскую «Бездну»:

В рассказах <...> Андреева чувствуется, что он любит, наслаждается низостью явлений порочной человеческой жизни, и этой любовью к пороку заражает неразвитую, морально еще нечистоплотную, как выразился г. Буренин, читающую публику и молодежь, не умеющую разобраться в жизни и тупо повторяющую излюбленную, бессмысленную фразу: «Да ведь это сама жизнь!»

Но почему же глаза читателей должны быть обращены именно к этой стороне жизни? Какой огромный горизонт открыт перед даровитым художником! Не могу не упомянуть о созданном на моих глазах великом произведении «Война и мир», в котором автор проник и в душу Наполеона, и в собачку умирающего у дерева Платона Каратаева, и в душу французского солдата, и в дуб на пути князя Андрея, и заставил всех любить то, что любит сам, годами увлекались и увлекаются тысячи людей этим чтением, которое не кладет ни малейшей тени порочных впечатлений на душу читателей.

Жалкие новые писатели современной беллетристики, как Андреев, сумели только сосредоточить свое внимание на грязной точке человеческого падения и кликнули клич неразвитой, полуинтеллигентной читающей публике, приглашая ее рассматривать и вникать в разложившийся труп человеческого падения и закрывать глаза на весь просторный, прелестный Божий мир с красотой природы, с величием искусства, с высокими стремлениями человеческих душ, с религиозной и нравственной борьбой и великими идеалами добра... Скажем даже, и с падениями, несчастьями, слабостями людей, как у Достоевского... Но при описании их всякий художник должен ярко светить человечеству не в сторону сочувствия грязи и пороку, а в сторону борьбы против них и высоко поставленного идеала добра, правды и торжества над злом, слабостями и пороками людей.

Хотелось бы громко и горячо закричать на весь мир этот призыв и помочь опомниться тем несчастным, у которых эти господа Андреевы сшибают крылья, данные всякому для высокого полета к пониманию духовного света, красоты, добра и... Бога [Толстая, 1903].

Хотя в этом письме графиня апеллирует к «Войне и миру» и умалчивает о «Крейцеровой сонате», сам ее публичный жест не может не напомнить о повести-предшественнице [Боева, 2022]. А заодно — обнаружить следы «гендерной борьбы» в самом семействе Льва Толстого [Рожкова]. Как известно, десятью годами раньше Софья Андреевна весьма болезненно восприняла это произведение мужа и даже написала повесть-ответ «Чья вина?» (1892–1893), где предложила «женский взгляд» на плотскую сторону жизни — глазами девушки, вступающей в брак и сталкивающейся с мужской чувственностью, разрушительной для нее, превращающей ее тело в атрибут наслаждения мужчины, лишаящей своего «я». Гендерный дискурс, или, в понятиях той эпохи, «женский вопрос», в России оформлялся параллельно и в непосредственной связи с «половым вопросом», и повесть графини Толстой могла бы стать одной из «первых ласточек», если бы была опубликована, — однако ее напечатали только через сто лет. О том же пишет Софья Андреевна в своих дневниках и воспоминаниях — в том числе в связи с «Крейцеровой сонатой»:

И везде Позднышев говорит: мы предавались свиной страсти, мы чувствовали пресыщение, мы — везде. Но женщина имеет совсем другие свойства, и нельзя обобщать ощущения, хотя бы половые; слишком разное отношение к ним мужчины и чистой женщины [Толстая, 1978, с. 132].

Как видим, графиня не случайно обрушилась на «Бездну»: своим сюжетом и ужасным финалом Андреев задел болезненную для нее проблему, зародившуюся еще на заре ее супружеской жизни (Толстой дает 18-летней невесте читать свои дневники, которые открывают ей правду о телесной нечистоте будущего мужа). Разность женского и мужского, открывшаяся ей тогда, оказала на Сою Берс травмирующее действие, а затем была подтверждена всей историей их брака, когда муж занят насыщенной духовно-интеллектуальной деятельностью, а жена должна рожать детей, следовать его взглядам и духовным метаморфозам и подчиняться им.

Критическая рецепция «Бездны» свидетельствует о доминировании «мужского» взгляда на изображенную в рассказе ситуацию, героиню, оказавшуюся в ней, и последствия. Поскольку эстетическая критика проигнорировала рассказ, в большинстве откликов, крайне эмоциональных, вообще не затрагивается художественная сторона произведения и внимание целиком сосредоточено на коллизии. Наиболее актуальными оказались вопросы правдоподобно-

сти изображенной в рассказе ситуации, психической вменяемости героя или автора и приемлемости подобной темы для искусства. Рассказ становится лишь поводом для самых различных, весьма далеких от литературы рассуждений о воспитании юношества, о добрачной жизни мужчин, о социальной природе порока. Каждый вычитывает в рассказе близкий ему смысл: социальный, медицинский, биологический и т. д. Как замечает критик Полах (псевдоним П.Е. Кошлакова) в житомирской газете «Волынь», «иной, прочитав “Бездну”, подумает: “не ходи одна, ходи с маменькой”, другой отыщет для размышления более глубокие темы, напр. хотя бы ту, что в бездну сильнейшего биологического интереса неотразимо влечет не только босяка, но и благовоспитанного студента...» [Полах].

Все же основное скрещение мнений во всем написанном о «Бездне» — вопрос о том, клеветает ли Андреев на природу мужчины, смакует ли ее животность или скорбит о ней. Изредка встречаются мнения, идущие вразрез с общим нравственно-этическим, «охранительным» взглядом на половую мораль. Так, В. Арнольд, расценивающий Андреева как «апостола новой морали», считает, что «Бездна» — «крик негодования против лжи половых извращений человечества, при которых влюбленному студенту надо упасть в отвратительную “бездну”, чтобы удовлетворить такое естественное стремление к немедленному и свободному физическому единению с любимой девушкой» [Арнольд]. Далее автор упрекает Андреева в «странной двойственности» и вопрошает, «на чьей же стороне автор: на стороне дерзновения или на стороне “охранения основ”?» [Арнольд].

Примечательно, что и в критической полемике по поводу «Бездны» всплывает «тень Толстого». М.К. Первухин, поднимая вопрос о правдоподобности изображенного, пишет, что бездна знакома всякому и неизвестна лишь «тем, кто физически уже умер, а живет только духовно, как, по-видимому, живет великий философ Лев Толстой» [Первухин].

Интересно сравнить с приведенными мужскими откликами на рассказ мнение о нем Е.А. Колтоновской, единственной из женщин-критиков, которая обратилась к «Бездне» — правда, не на «пике» полемики, а в своей позднейшей книге статей 1910 г. Она пишет, что Андреев «вводит в самую суть половой проблемы, какой она является в жизни современного интеллигентного человека. Если из постановки и освещения ее в этих рассказах исключить все специфически андреевское — его обычную исходную мысль о неразрешимости всяких жизненных конфликтов и неизбежности человеческой гибели в неравной борьбе с роком, — то все-таки останется еще много

ужасного. Самое ужасное — это представление о глубокой раздвоенности человека и раздирающих его противоречиях» [Колтоновская, 1910, с. 90].

Андреева порицали за «Бездну», — пишет Колтоновская, — кажется, даже его поклонники; называли этот рассказ искусственным и неправдоподобным. А я его считаю одним из лучших¹. У такого субъективного и абстрактного философа-поэта, как Андреев, вообще напрасно искать реалистической правдоподобности. Но у него есть высшая, чисто внутренняя художественная правда — правда возможности, хотя и в болезненном освещении. То, что разыгралось в «Бездне», вероятно, невозможно в действительности, а если и возможно, то так исключительно, что в обыденном смысле слова не типично. Но сущность интеллигентской психологии, ее основная болезнь замечательно угадана художником. Задатки андреевской *бездны* существуют в большинстве раздвоенных интеллигентских душ, и с внутренней точки зрения безразлично, проявятся ли они реально или нет. Эта *бездна* в современном интеллигентном человеке — наследие долгой утонченной, но односторонней культуры, результат однобокой, прямолинейной морали, насквозь окрашенной христианством, с его унылым, лицемерным аскетизмом и нетерпимым разделением добра и зла — в мире и человеке. Чем ярче, богаче и своеобразнее личность, тем глубже в ней этот искусственно созданный разлад [Колтоновская, 1910, с. 92–93].

Как видим, ничего специфически «женского» в приведенном отзыве Колтоновской нет, хотя именно ее можно считать одной из основательниц гендерной критики начала века [Михайлова]. Если в своих ранних работах Колтоновская лишь осторожно намечала разность между «женским» и «мужским» (см. статью 1901 г. «Женщина в драмах Ибсена»), то в 1910-е гг. она выступила со сборником «Женские силуэты» (1912), полностью посвященным писательницам-современницам и своеобразию женского письма. Тем не менее ее отзыв о «Бездне» вполне мимикрирует под доминирующий мужской дискурс и не проблематизирует ситуацию в гендерных категориях. Очевидно, что, интерпретируя «Бездну» в духе психологической школы, Колтоновская идет вслед за своими учителями-мужчинами — С.А. Венгеровым и Д.Н. Овсяннико-Куликовским.

¹ Е.А. Колтоновская начиная с 1901 г., т. е. с самого раннего периода в творчестве Л. Андреева, откликалась на его произведения.

Особенно ощутимо влияние на нее последнего, автора исследования «История русской интеллигенции» (1906–1911): конфликт в андреевской «Бездне» Колтоновская сводит к социально-психологическому, «уводя» его от биологического и гендерного. Отказываясь от проблематизации «мужского» и «женского» и встраиваясь в традиционное для отечественной критики русло, Колтоновская растворяет гендерные представления в дискурсе о судьбе интеллигенции².

Подводя итоги этому исследовательскому сюжету, заметим, что обращение Андреева к теме женской чистоты не случайно и имеет в том числе и биографическое измерение (подтверждение ревнивых подозрений по поводу добрачной жизни второй жены, А.И. Денисевич [Кен, Рогов, с. 212–215]). «Телесно нечистая» женщина в галерее его героинь — вариация образа «лживой / неверной женщины», сквозного в андреевском творчестве и, несомненно, связанного с философско-мировоззренческими установками автора (представление о непознаваемости и враждебности мира, его иллюзорности). Характерный для дискурсивного пространства начала века вейнигериянский взгляд на женское как на иррациональное, деструктивное начало был близок Андрееву [Боева, 2020].

Итак, в рецепции «Бездны» современниками проявились два основных вектора: один связан с пониманием биологической природы мужчины как отличной от женской и более активной, а другой — с признанием социальных ролей мужчины и женщины неравноправными и тоже весьма отличными друг от друга. «Бездна», «побочная дочь» «Крейцеровой сонаты», действительно говорит о гендерном неравенстве и объектности женщины, но для большинства критиков и читателей начала XX в. это воспринималось как естественное положение вещей. Заметим, что все отзывы на рассказ были написаны критиками-мужчинами, за исключением статьи Е.А. Колтоновской, которая, впрочем, в своих рассуждениях

² Уже после революции Е.А. Колтоновская завершила итоговое исследование «На рубеже. Литература от Чехова до революции. Критические очерки сквозь призму воспоминаний», которое ей в середине 1920-х гг. опубликовать не удалось. Там она вновь обращается к творчеству Л. Андреева, вспоминая свою первую реакцию на его произведения («патологические диссонансы») и решительно отказывая ему в «чувстве меры». Примечательно, что здесь она совершенно уходит от интересовавшего ее гендерного подхода к литературе, рассматривая самоубийства А.Н. Чеботаревской и А. Мар как следствие «тупика, в котором оказалась интеллигенция» [Грачева, с. 169]. М.В. Михайлова справедливо связывает отход Колтоновской от гендерной оптики с идейной атмосферой советской эпохи, когда женщине было отказано в праве на выражение своей гендерной сущности [Михайлова].

о «раздвоенных интеллигентных душах» вполне вписывается в мужской дискурс по поводу «полового вопроса».

Единичная попытка встать на женскую позицию была продемонстрирована критиком В.Е. Жаботинским, спрятавшимся под литературной маской героини рассказа, впрочем, не подвергающей сомнению существующую гендерную норму, а предлагающей традиционный «хэппи энд» и наиболее цивилизованный выход из ситуации.

Пожалуй, «женский взгляд» на «Бездну» ощутим в позиции графини Толстой, понятной лишь в контексте ее семейных взаимоотношений и творчества ее мужа, однако он сводится, скорее, к нивелированию проблемы и призыву не глядеть в «бездну», когда есть «небо». Критическая «слепота» Софьи Андреевны не позволяет ей ни оценить рассказ с художественной стороны, ни ответить на ключевой вопрос, поставленный в «Бездне»: как далеко в прекрасном мире «духовного света, красоты, добра и... Бога» человек ушел от животного?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Арнольд В. О Леониде Андрееве // Столичное утро. М., 1907. 12 июня.
- Кен Л.Н., Рогов Л.Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб.: Изд.-полиграфическая компания «КОСТА», 2010. 428 с.
- Леонид Андреев. Бездна: Со статьей Льва Толстого и полемической литературой. Берлин: Изд-е Иоганна Рэде, 1903. 70 с.
- Немовецкая З. [В.Е. Жаботинский]. Письмо в редакцию // Одесские новости. 1903. 17 марта.
- Немовецкий [Л.Н. Андреев]. Письмо в редакцию // Курьер. 1903. 6 марта.
- Омега [В.Е. Жаботинский]. Обо всем // Волянь. Житомир, 1903. 10 марта.
- Первухин М. Силуэты // Крымский курьер. Ялта, 1903. 21 января.
- Письма Л.Н. Андреева к А.А. Измайлову / публ. В. Гречнева // Русская литература. 1962. № 3. С. 193–201.
- Полех [П.Е. Кошляков]. Открытые письма. XXIV // Волянь. 1902. 5 мая.
- Толстая С.А. Дневники: в 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. 627 с.
- Толстая С.А. Открытое письмо // Новое время. 1903. 7 февраля.
- James Lynch [Л.Н. Андреев]. Москва. Мелочи жизни // Курьер. 1902. 27 января.
- Musca [Ф.Г. Мускаблит]. В Ясной Поляне <Беседа с Л.Н. Толстым> // Одесские новости. 1902. 3 сентября.

Исследования

- Боева Г.Н. «Крейцера соната» Л. Толстого в формировании литературно-критического дискурса о «половом вопросе» // VI Фрейдовские чтения:

- категории различий в психоанализе и психологии. Сб. науч. тр. по матер. междунар. науч.-практич. конф. / под ред. проф. М.М. Решетникова. СПб.: ЧОУВО «ВЕИП», 2022. С. 24–33.
- Боева Г.Н. «Лживая женщина» в произведениях Леонида Андреева // Орловский текст российской словесности: творчество И.А. Бунина. Орел: Картуш, 2020. Вып. 12: Материалы всерос. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии. С. 82–85.
- Грачева А.М. Жанр литературного портрета в критике Е.А. Колтоновской // Грачева А.М. Диалоги Януса: Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века: Портреты. Этюды. Разыскания. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 143–149.
- Кацис Л.Ф. Владимир Жаботинский. Максим Горький. Леонид Андреев («Бездна» Леонида Андреева: к истории, проблематике и проблеме атрибуции пародийных откликов 1903–1929 гг.) // Кацис Л.Ф. «Русская весна» Владимира Жаботинского: Атрибуция. Библиография. Автобиография. М.: РГГУ, 2019. С. 169–223.
- Колтоновская Е.А. Общая характеристика эпохи (от Чехова до революции) // Грачева А.М. Диалоги Януса: Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века: Портреты. Этюды. Разыскания. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 150–173.
- Колтоновская Е.А. Проблема пола в молодой литературе (Ведекинд и Арцыбашев) // Новая жизнь: Критические статьи. СПб.: Изд-во «Общественная польза», 1910. С. 86–117.
- Михайлова М.В. Книга Е.А. Колтоновской «Женские силуэты» — теоретическое обоснование женского творчества // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 127–135.
- Рожкова А.Е. «Чья вина?»: женский литературный манифест и полемика С.А. Толстой с «мыслью семейной» в творчестве ее мужа Л.Н. Толстого // Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов / под ред. В.Б. Зусевой-Озкан. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 26–41.

REFERENCES

- Boeva, G.N. “‘Kreiterova sonata’ L. Tolstogo v formirovanii literaturno-kriticheskogo diskursa o ‘polovom voprose.’” [“‘Kreutzer Sonata’ by L. Tolstoy in the Formation of a Literary-Critical Discourse on the ‘Sexual Question.’”]. Reshetnikov, M.M., editor. *VI Freidovskie chteniia: kategorii razlichii v psikhoanalize i psikhologii* [4th Freud’s Readings: Categories of Differences in Psychoanalysis and Psychology]. St. Petersburg, ChOUVO “VEIP” Publ., 2022, pp. 24–33. (In Russ.)

- Boeva, G.N. “‘Lzhivaia zhenshchina’ v proizvedeniiakh Leonida Andreeva” [“‘Deceitful Woman’ in the Works of Leonid Andreev”]. *Orlovskii tekst rossiiskoi slovesnosti: tvorchestvo I.A. Bunina* [*Orlovsky Text of Russian Literature: I.A. Bunin*], issue 12. Orel, Kartush Publ., 2020, pp. 82–85. (In Russ.)
- Gracheva, A.M. “Zhanr literaturnogo portreta v kritike E.A. Koltonovskoi” [“Genre of Literary Portrait in the Criticism of E.A. Koltonovskaya”]. *Gracheva, A.M. Dialogi Ianusa: Belletristika i klassika v russkoi literature nachala XX veka: Portrety. Etiudy. Razyskaniia* [*Dialogues of Janus: Fiction and Classics in Russian Literature of the Early 20th Century: Portraits. Sketches. Research*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2011, pp. 143–149. (In Russ.)
- Katsis, L.F. “Vladimir Zhabotinskii. Maksim Gor’kii. Leonid Andreev (‘Bezдна’ Leonida Andreeva: k istorii, problematike i probleme atributsii parodiinykh otklikov 1903–1929 gg.)” [“Vladimir Zhabotinsky. Maksim Gorky. Leonid Andreev (‘The Abyss’ by Leonid Andreev: On the History, Issues and the Problem of Attribution of Parodic Responses of 1903–1929)”]. Katsis, L.F. *Russkaia vesna’ Vladimira Zhabotinskogo: Atributsiia. Bibliografiia. Avtobiografiia* [“Russian Spring” by Vladimir Zhabotinsky: Attribution. Bibliography. Autobiography]. Moscow, RSUH Publ., 2019, pp. 169–223. (In Russ.)
- Koltonovskaia, E.A. “Obshchaia kharakteristika epokhi (ot Chekhova do revoliutsii)” [“General Characteristics of the Era (from Chekhov to the Revolution)”]. Gracheva, A.M. *Dialogi Ianusa: Belletristika i klassika v russkoi literature nachala XX veka: Portrety. Etiudy. Razyskaniia* [*Dialogues of Janus: Fiction and Classics in Russian Literature of the Early 20th Century: Portraits. Sketches. Research*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2011, pp. 150–173. (In Russ.)
- Koltonovskaia, E.A. “Problema pola v molodoi literature (Vedekind i Artsybashev)” [“Problem of Gender in Young Literature (Wedekind and Artsybashev)”]. *Novaia zhizn’: Kriticheskie stat’i* [*New Life: Critical Articles*]. St. Petersburg, Obshchestvennaia pol’za Publ., 1910, pp. 86–117. (In Russ.)
- Mikhailova, M.V. “Kniga E.A. Koltonovskoi ‘Zhenskie siluety’ — teoreticheskoe obosnovanie zhenskogo tvorchestva” [“Book by E.A. Koltonovskaya ‘Women’s Silhouettes’ — a Theoretical Justification for Women’s Creativity”]. *Gendernye issledovaniia*, no. 4, 2000, pp. 127–135. (In Russ.)
- Rozhkova, A.E. “Ch’ia vina?: zhenskii literaturnyi manifest i polemika S.A. Tolstoi s ‘mysl’iu semeinoi’ v tvorchestve ee muzha L.N. Tolstogo” [“Whose Fault?: Women’s Literary Manifesto and S.A. Tolstoy’s Controversy with ‘Family Thought’ in the Work of Her Husband L.N. Tolstoy”]. Zuseva-Özkan, V.B., editor. *Zhenshchina moderna: Gender v russkoi kul’ture 1890–1930-kh godov* [*Modern Woman: Gender in Russian Culture in the 1890s–1930s*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022, pp. 26–41. (In Russ.)